

АЛЬХАДЖИ АБУБАКАР ИМАМ

ДАР КРАСНОРЕЧИЯ – НАСТОЯЩЕЕ БОГАТСТВО!

ПЕРЕВОД С ЯЗЫКА ХАУСА: КОСОРУКОВ ОЛЕГ ПЕТРОВИЧ

Олег Косоруков

**Дар красноречия –
настоящее богатство!**

«Издательские решения»

Косоруков О. П.

Дар красноречия – настоящее богатство! / О. П. Косоруков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747732-5

Визирь восточного царства, чтобы завладеть престолом решил погубить законного наследника — принца Мусу. Его коварные замыслы разрушает мудрый говорящий попугай Аку. Своими рассказами он удерживает Мусу от гибели. Остроумные персонажи и поучительные истории Аку доносят глубокую мудрость до принца, питающего интерес к каждому слову попугая. Окунитесь и вы в удивительные, полные нравственности сказки, заботливо переведенные с языка хауса.

ISBN 978-5-44-747732-5

© Косоруков О. П.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Дар красноречия – настоящее богатство!	8
О самоуверенном львёнке	32
Дурак и поступает по-дурацки	38
Кликнул простака, глядь, их откликнулась толпа	42
Аута и дикие звери	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дар красноречия – настоящее богатство!

Абубакар Имам Альхаджи

© Абубакар Имам Альхаджи, 2016

© Олег Петрович Косоруков, перевод, 2016

© Готт Игорь, дизайн обложки, 2016

© Павел Борисович Хурумов, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Выраженная в сказках народная мудрость, является наиболее точным отражением культуры народа. Однако, что означает термин «народная мудрость»? Даже на современном уровне развития технологий, с учётом всеобщей компьютеризации и активного внедрения сети интернет, «коллективный разум» – всё ещё фантастика, хотя и осязаемая. Статус «народного» произведение приобретает лишь, когда забыто имя автора.

Имя автора книги «Дар красноречия – настоящее богатство!», к счастью, не забыто. Нигерию, родину Альхаджи Абубакара Имама заслуженно называют «Гигантом тропической Африки». Она занимает огромную территорию в Западной Африке, к югу от пустыни Сахара. Своим извилистым бегом её пересекает одна из Величайших рек мира – Нигер, впадающая в Гвинейский залив, который омывает южные пределы страны. Нигерия играет важную роль в определении политики Организации Африканского Единства.

Недра Нигерии полны природных богатств, а население богато разнообразными культурными традициями. Его составляет более двухсот пятидесяти народностей и этнических групп. Значительная часть в составе граждан принадлежит народности хауса, славным представителем которой является и Альхаджи Абубакар Имам.

Долгое время Нигерия находилась под протекторатом Великобритании, поэтому английский язык является одним из государственных языков Нигерии. Альхаджи Абубакар Имам, учитель английского языка в одной из школ города Кацина, расположенного в Северной Нигерии, написал свою книгу на хауса, чтобы она была доступна и тем, кто не знает английского языка. Он решил сделать обучение и воспитание увлекательной сказкой, а увлекательную сказку поучительной.

Движимый величайшей любовью к своему народу, Альхаджи Абубакар Имам видел его перспективы в правильном воспитании детей. Он считал, что даже во имя достижения высоких целей не стоит подавлять волю ученика муштрой, иначе из него получится лишь исполнитель, и никогда самостоятельный, инициативный, и ответственный человек. И только облечённый доверием учителя ученик может проявить самостоятельность и инициативу в учёбе. Такой ученик, как правило, становится достойным уважения человеком.

Возможно, именно воспитанные на общечеловеческих ценностях, содержащихся в книгах Альхаджи Абубакара Имама люди, и привели страну к независимости, которую Нигерия обрела в 1961 году. Язык хауса стал вторым государственным языком лишь в девяностые годы двадцатого столетия. В то время как благодаря помощи муниципалитета города Кацина, высоко оценившего актуальность и полезность данного труда и выделившего средства на издание книги ещё в 1937г., «Дар красноречия – настоящее богатство!» стала одной из первых книг, изданных в Нигерии на языке хауса.

Издательское дело, в то время не могло быть доходным в стране, где большая часть населения безграмотна. По этой же причине в Нигерию не ввозили книг, изданных за рубежом. Это обстоятельство даёт основание утверждать, что сюжет, напоминающий своей конструкцией сюжет сказок «Тысяча и одна ночь», является оригинальным изобретением автора.

Ещё одной важной отличительной особенностью «Дар красноречия – настоящее богатство!» является универсальность мудрости, заключённой в ней. Она вооружает людей методом распознавания ситуаций, которые могут нанести им серьёзный вред и уберечься от них, не совершив необдуманных поступков. Иными словами, сказки обладают обучающим свойством.

Впервые изданные Северо-Нигерийской издательской компанией в городе Зария в 1937 году, сказки Альхаджи Абубакара Имама в трёх томах приобрели широкую популярность среди населения Нигерии говорящего на хауса, и переиздаются до сих пор.

Прогресс общественного развития позволил ещё в нынешнем столетии сделать книгу, написанную на языке африканского народа, название которого не известно абсолютному большинству граждан России, доступной в нашей стране. Это ещё один признак сближения народов независимо от расстояния, разделяющего их страны, разницы религий и культур. Ещё один шаг к всеобщему взаимопониманию.

Автор перевода Косоруков О. П.

Дар красноречия – настоящее богатство!

Правителем одной страны в давние времена был великий шах Абдуррахман дан¹ Альхаджи. Среди соседей он заметно выделялся своим богатством, даже рассказы о котором, у слушателя вызывали удивление. Если же, кому-то доводилось бывать у Абдуррахмана во дворце, то, пораженный великолепием его убранства, гость в изумлении столбенел у самого порога.

Несчастливого, решившего поведать о сказочном богатстве шаха, собеседник непременно принимал за фантазера, поскольку и рассказ о нём, не умещался в пределах человеческого воображения.

Войско шаха было огромно и хорошо вооружено. Воины Абдуррахмана были отважны, сильны, и так искусны в военном деле, что с легкостью одерживали победы над самым многочисленным врагом. Слава о победах шаха намного опережала его войско в военных походах. Зачастую неприятель объявлял о сдаче на милость победителя без боя, узнав лишь, что Абдуррахман намерился двинуть своё войско в его направлении.

¹ Да – сын. Дан Альхаджи – сын Альхаджи.

Но, ни богатство, ни могущество и слава не радовали шаха. Всё казалось тленом, поскольку на «Тот Свет» не заберёшь, а наследника у шаха не было. Не послал ему Аллах ни брата, ни сына. Любимая жена подарила Абдуррахману дочь на первом же году их счастливой жизни. Но дочь, известно всем – «отрезанный ломоть». Выйдя замуж, она покинет отчий дом.

Мысль, что после смерти лишь часть богатства поделят между женой и дочерью, а остальное отправится в казну, к тому же, и казна, и трон, волей Аллаха, достанутся тому, кто

попроворней, делала жизнь Абдурахмана безрадостной, а тоску в ожидании смерти безутешной. Сияние мирских благ, ниспосланных Аллахом, не рассеивало непроглядного мрака ночи, царившего в душе шаха.

Время шло. На все воля Аллаха! Выдав замуж дочь, шах, через срок известный, отпраздновал рождение внука, нарекли которого Махмуду. В честь младенца Абдурахман устроил пир на всё царство. Он радовался рождению внука искренне и безгранично. Одно лишь омрачало его радость: внук не мог наследовать престол. Вновь и день, и ночь овладевала шахом мысль о том, что после его смерти престол не будет унаследован по кровному родству.

Велик Аллах! Совсем недолго шах пребывал во власти горя. Однажды, утром, аудиенции у шаха добился некий дервиш. Представ пред троном, он изрек:

– Великий шах! Я получил знамение... Аллах послал меня сказать тебе, что если снова ты хочешь стать отцом, то должен собрать в пятничной мечети сорок мудрецов. Они должны усердно за тебя молиться сорок дней и сорок ночей, взывая к милости Аллаха. К исходу срока Аллах, Великий и Всемогуший, пошлет тебе сына.

За это предсказание шах повелел вознаградить пророка золотом и новыми одеждами, но тот с поклоном отказался их принять, сказав, что не пойдёт подарок впрок, когда получен лишь за то, что сам Аллах определил исполнить как священный долг правоверного мусульманина! И, поклонившись шаху, вышел.

Что тут началось! После визита пророка, принесшего благую весть, солнце не успело на закате вторично в багрец окрасить горизонт, как слуги шаха собрали во дворце сорок наимудрейших и почтеннейших старцев царства.

Шах под большим секретом поведал им о предсказании пророка. Затем призвал молиться за свершение судьбы, закончив свою речь напутствием: «И, да услышит вас Аллах!» «Аминь!» – ответили мудрецы и отправились в мечеть.

Хвала Аллаху! Пророчество оказалось верным! К назначенному сроку жена Абдурахмана понесла, и в положенное время родила мальчика, здорового и несказанно красивого.

О, Аллах! Самая большая книга в мире не уместила бы в себе подробностей рассказа о торжестве по случаю рождения наследника шаха, и описания блюд праздничного пира, устроенного Абдуррахманом в честь рождения сына. На торжестве народу объявили, что принца нарекли Мусой. (Подданные должны привыкнуть к имени своего будущего правителя, задолго до его восшествия на престол!)

Воистину, Аллах и всемогущ, и всемилостив! В один и тот же год он даровал Абдуррахману и внука, и сына! Счастливый шах любил детей безмерно! Он «плясал под их дуду»: выполнял любую прихоть! Потакать же сыну Мусе стало его излюбленным каждодневным занятием.

Через два года, когда мальчиков перестали кормить грудью, шах Абдуррахман повелел воспитывать их вместе. «Веселей играть вдвоем», – рассудил он.

Когда свели детей, то оказалось, что они как две капли воды похожи друг на друга. Их можно было бы принять за близнецов, поскольку невозможно было отыскать хотя бы маленькую родинку, отличающую одного от другого. И стали их воспитывать как братьев. Махмуду с Мусой и привязались друг к другу, словно братья. Один не мог и часа прожить без другого!

Блаженству шаха не было конца! Сознание, что есть прямой наследник, сделало его щедрым и великодушным. Каждым указом он обильно проливал благодать, на своих подданных. И все же, среди подданных имелся тот, кто не испытывал ни радости, ни уваженья. Это был визирь. Да и с чего бы ему было ликовать? Ведь по закону именно ему достался бы престол, не будь у шаха сына...

До рождения Мусы визирь и день, и ночь молил Аллаха скорей «призвать на суд душу своего раба Абдуррахмана», в надежде унаследовать престол. Аллах, «увы», не внял его молитвам! Неправедной мольбе наперекор, он даровал Абдуррахману сына.

Визирь возненавидел малыша задолго до его рождения: еще, когда мать носила его в чреве. Рождение же Мусы наполнило злобное сердце визиря такой лютой ненавистью, что он трепетал от ярости не только, когда видел мальчика, но даже, когда слышал его имя. Эта ненависть свела его с ума. В мечтах о троне он решил, во что бы то ни стало извести законного наследника. Забыв о чести, он ступил на путь измены.

Пятнадцать долгих лет, с рождения Мусы, визирь всё ждал удобного момента, когда, избавившись от наследника, он сможет завладеть вождельным престолом. Однако на мятеж решиться он не мог, поскольку в целом царстве вряд ли нашлось бы нужное количество врагов Абдуррахмана, собрав которых, можно было бы идти в открытый бой... Для подлого убийства шанса не было вообще, поскольку шах ни на мгновение не упускал детей из поля зрения. Однако, ни препятствия, ни страх не заставили визиря отказаться от заветной цели. Коварство только глубже пустило корни в его душу. К тому же, стало утонченней и хитрей!

Наконец, по воле Аллаха или Шайтана, визирь понял: «Вряд ли мне удастся расправиться с Мусой иначе, как заманив его в ловушку. Уж я тогда найду достойный способ расправиться с мальчишкой! – рассуждал он, – а если же удастся разлучить его с Махмуду, то успех мне гарантирован вдвойне! Поскольку эти парни чересчур привязаны друг к другу, Муса, я полагаю, будет сильно переживать разлуку с „братом“. А у меня достаточно коварства подбить „мальчишку“ на бегство из дворца. Тем более, для встречи с „братом“... Когда же, за воро-

тами дворца, до него дойдет, что он оказался в моей власти, будет поздно...» Визирь угрюмо усмехнулся и даже топнул, злорадствуя, ногой. Теперь, когда придуман способ стать шахом, осталось разработать план, как удалить Махмуду из дворца. Затем, избавив Мусу от бдительного и неусыпного родительского ока, заставить его выйти за ворота...

Дни тянутся смолой для тех, кто ждет, но вихрем мчатся для того, кто лавры славы жнёт! Как-то раз визирь повел беседу с шахом. Начав с каких-то пустяков, он незаметно перешел к беседе о войне и войске. Когда привлек внимание к теме, сказал: «Великий шах! Да будет мне дозволено сказать?! Мы зря уверены в своей военной силе! А наше безразличие к войскам опасно! Уверовав в свою непобедимость, мы забыли, что воины стареют, как и все... А мы, Аллах – свидетель, новых не готовим. Случись врагу напасть, без свежих сил мы будем биты!»

«Скажи, с чего бы это, вдруг, ты начал разговор о войске и о войнах? – удивился Абдурахман. «С нами в мире все шахи и эмиры пограничных царств и княжеств. Стало быть, мы на защите не только наших войск. Нас охраняют и войска соседей! Чтоб к нам попасть, необходимо их заслон пройти... А мы всегда готовы прийти на помощь своим соседям, и вместе одолеть врага!»

Посуди сам: какое дело нам до устремлений, которые направлены не на нас! Соседи, в этом я уверен, становятся смелее, имея крепкий тыл моей поддержки! Так что, не волнуйся! Все продумано до мелочей! Напасть на нас не так-то просто!»

«Всё может быть продумано одним только Аллахом! – философски возразил визирь, – да и негоже хорошему правителю почить на лаврах в мире! Войска, бездействуя, теряют выучку, сноровку, силу! Неосмотрительно монарху строить оборону своего царства, уповая на благочестие соседей, и не уделяя внимания собственным войскам. А ну, как кто-то из соседей войдет в сговор с врагом?.. Кто знает: у кого, что на уме?! А наши испытанные воины дряхлеют! У новых воинов нет опыта в боях! Без подготовки они, вряд ли, способны защитить самих себя! Не лучше ли, спустившись с заоблачных высот, заняться монаршим делом. Пора серьезно отнестись к обучению войск!»

Но все старания визиря не смогли вернуть Абдурахмана в реальный мир. Шах рассмеялся и нехотя промямлил: «Не вижу смысла волноваться?» Он не был расположен, продолжать, затеянный визирем, разговор. «Разве мы сейчас менее сильны, чем раньше? Разве не в силах защитить себя от врага? У нас отличный воевода! А всадники готовы без усталости скакать в атаку, лишь только им укажешь на врага!..»

«О, Владыка! – не унимался визирь, – очнись от благодной дремоты! И воевода, и всадники, и пехота, конечно, были бравыми воинами во времена твоей молодости! Сейчас же это немощные старцы!» Тут, сам Шайтан, наверное, указал визирю ловкий ход.

«Взять, к примеру, воеводу. Ему уже давно за шестьдесят! Он слаб не только телом, но и волей... И, да простит меня Аллах, умом. Его удел – лежать на ложе да рассказывать юнцам о своих былых победах. Великий шах, уже давно пора подумать о его замене! Не кажется тебе удачной мысль, назначить воеводой твоего внука – Махмуду! У него хорошие задатки: он брав, силен, умен и ловок! Направь его в войска... Пусть перенимает опыт и обучается военному искусству. Возглавив войско, он сперва станет твоею „правую рукой“, затем защитой и опорой сыну».

Сработало! Муса, игравший рядом, сразу вмешался в разговор, чем подтвердил расчёт визиря. Тонем властелина, не терпящего возражений, он заявил: «Отправить в войска Махмуду, означает, что я останусь во дворце один. Да, не бывать такому! Я этого не потерплю! А вместе мы – куда угодно! Хоть изучать военное искусство! Хоть воевать!»

Визирь многозначительно покачал головой и, прищелкнув языком, воскликнул: «Волей Аллаха тебе ниспослано наследовать престол! А это значит, суть твоя – повелевать, тогда как у других – повиноваться! Твое ли дело на коне скакать с копьем на поле боя? Быть наследником престола – не только честь, но и ответственность большая перед народом! Тебе нельзя в сра-

женьях жизнью рисковать! А если ты погибнешь?.. Прости, Аллах, за эти мысли и слова! Кто тогда наследует престол?» Последними словами он, все-таки, посеял зерно сомнения в сознании шаха.

Муса был тверд, как камень. Он возбужденно воскликнул: «Я не желаю, чтобы даже мысли у кого-то возникали нас с Махмуду разлучить!» Шах молвил: «Значит, так тому и быть!»

Визирь едва сдержался. Но, умерив гнев, он был готов продолжить речь, основанную на лжи, которой он умело, прокладывая свой путь к заветной цели. В этот миг придворный, войдя в тронный зал, пал в ноги Абдуррахману и возвестил: «О, Великий шах! Визирь правителя Синари просит милости принять его, чтобы засвидетельствовать почтение Вашему Величеству своего повелителя».

Шах велел впустить посла синарийского шаха. Приветствуя Абдуррахмана, тот долго восхвалял его, называя и доблестнейшим, и мудрейшим, и луноликим, и солнцеподобным, и царём царей. Когда его фантазия иссякла, он передал Абдуррахману свиток, письмо своего правителя. По приказу шаха придворный чтец развернул его и стал читать. Вот что содержало то послание:

«Моему возлюбленному другу, шаху Абдуррахману сыну Аль-хаджи, пишет правитель правоверных мусульман, шах Синари, Абдул-Азиз сын шейха Мухтара. С тысячью пожеланий здоровья, благополучия, процветания и мира обращаюсь я к тебе!

Наши добрососедские отношения и взаимная предрасположенность привели меня к священной мысли о том, что для закрепления мира между нами на века, а также с целью укрепления доверия и во имя дальнейшего совместного процветания, нам необходимо породниться. Дружеские отношения укрепить родственными узами! Предлагаю в жены твоему сыну, светлейшему принцу Мусе, свою красавицу дочь – принцессу Синарату. Хотелось бы соединить их руки и сердца еще при нашей жизни. Да ниспошлет Аллах и им, и нам благословение!»

В послании, как видно, не было ничего обидного или тем более оскорбительного. Но, так как в этом деле был замешан сам шайтан, его усердием смысл послания Абдуррахман воспринял, как стремление шаха Синари стать ровней с ним, Великим шахом Абдуррахманом! Ох, что тут началось! Неизвестно, толи содержание письма, толи его недостаточно высокий и почтительный стиль привели шаха Абдуррахмана в ярость. Он, вскочил с трона, выхватил грамоту из рук придворного чтеца и изорвал ее в клочья. Затем набросился на синарийского визиря. Ухватив его за бороду, встряхнул и стал таскать, ругаясь: «Сегодня все как будто сговорились! Вам что, приятно злить меня? Да упокой Аллах ваши души! Это так же „безопасно“, как за хвост подёргать льва! Наставь на верный путь „неопытных щенков“! Неужто, мой Муса захочет связать себя женитьбой с этой, как её там, Синарату! Да что он о себе вообразил, этот Абдул-Азиз? Он сам-то ничего собой не представляет, а уж, тем более, его дочь!» И бросив гневный взгляд на слуг, Абдуррахман взревел: «Гнать прочь! И бить, пока в пределах царства!»

Стража кинулась к послам. Не дожидаясь пока на них набросятся, синарийский визирь и его свита со всех ног пустились вон из дворца. Они едва успели вскочить на своих коней. Стражники гнались за ними по пятам. А за стенами дворца к ним присоединились горожане. С криками да улюлюканьем бежали они вслед за синарийцами, швыряя в них камни и комья грязи.

Всё смешалось во дворце. Придворные переглядывались в недоумении, но никто не посмел перечить разгневанному шаху. Имам озабоченно шептал молитвы, рассуждая сам с собой: «Велик Аллах! Сегодня он послал легкую победу Абдурахману, но лучше б он послал ему здоровья: сейчас он в нем нуждается вдвойне!»

«А ты что скажешь? – обратился шах к визирю, стоявшему у трона, – или тебя, как и имама тревожит мой поступок? Может, ты считаешь – я не прав, что выгнал вон это синарийское отродье? Отвечай!»

Главный советник в смущении потупил взор. Все шло по его плану даже быстрее, чем он задумал. Медленно, как бы подбирая нужные слова, он «выдал» из себя: «Я очень сомневаюсь, что шах Синари стерпит такое оскорбление!»

«Где же твоя доблесть?! Как я погляжу: ты не храбрее имама!» – скривился в надменной ухмылке шах.

«Это далеко не трусость, – возразил визирь, – а трезвая оценка положения! Я только пол часа назад тебе напоминал, что мы сейчас менее чем раньше готовы к войне».

«А ведь верно говорит визирь, – зароптали придворные, – наш воевода разменял седьмой десяток, он немощен от старости, а заменить его некем! Нет у него достойного преемника! Предложение визиря сегодня своевременно и актуально! Кто, кроме Махмуду, лучше подойдет на этот пост?!»

Распалённое гневом лицо шаха вмиг почернело от осознания необходимости немедленно принять такое трудное решение. Но надо было что-то отвечать придворным. Наконец, он решился.

«Нет преемника, вы говорите?» – задумчиво произнёс Абдурахман. Слова он выговаривал с трудом, как будто языком мешки ворочал! «Похоже, все склонились к мнению, что воеводой должен стать мой внук! И, раз уж нет на это возражений, клянусь, что в первой же кампании военной Махмуду возглавит войско!» С этими словами шах Абдурахман разогнал придворных, положив конец их раболепному заискиванию, странным образом сочетавшемуся со способностью оказывать давление при принятии им важных государственных решений.

Визирь, как и другие вельможи, покинул дворец. В возбуждении он пришёл к себе и начал размышлять над происшедшим. Он чувствовал нутром, что эту ситуацию можно обратить себе на пользу... Над тем, как свою выгоду извлечь он думал допоздна. И строя планы, уснул, по воле ночи.

«Озаренье» снизошло на него с первыми лучами солнца. Вскочив, как от удара, визирь состряпал по наитию такое послание Абдул-Азизу: «Нет причин тебе, Великий шах, сносить оскорбление, прилюдно нанесенное Абдурахманом! Не стоит опасаться его бывшего могущества! Его войска как раз менее всего готовы к битве. Ну, а если ты пообещаешь после победы над Абдурахманом посадить меня на его трон, я помогу тебе без всяческих усилий, играючи, стать победителем в решающем сражении, задолго до того, как Абдурахман успеет завершить необходимые приготовления. Тебе лишь надо следовать моему плану.

Во-первых, наноси удар без промедления! Во-вторых, твои войска должны войти во владения Абдурахмана через ущелье «Кимба». Поскольку горы здесь неприступны, оно считается непроходимым. А значит, нападения оттуда никто не ждёт. Твои войска могли бы незаметно подойти к самой столице царства Абдурахмана. Никто в стране не знает этого пути кроме меня и юноши, что передаст моё письмо. Он-то и укажет твоим войскам дорогу».

Визирь позвал своего наипреданнейшего слугу по имени Баракай. Вручил ему послание и рассказал, что делать. Окончив наставления, благословил на дальний путь.

А шах Абдуррахман уже забыл и думать о неприятном инциденте с послом Синари, да и, вообще, о том, что есть его страна. Любовь и счастье делали его блаженство полным! Как-то, утром, он приказал седлать коней и отправился с детьми на прогулку. Их сопровождали знатные вельможи. У озера, все спешили, чтобы насладиться дыханием свежего ветерка и полюбоваться красотой прибрежного пейзажа. Вдруг, словно бы из-под земли, откуда ни возмись,

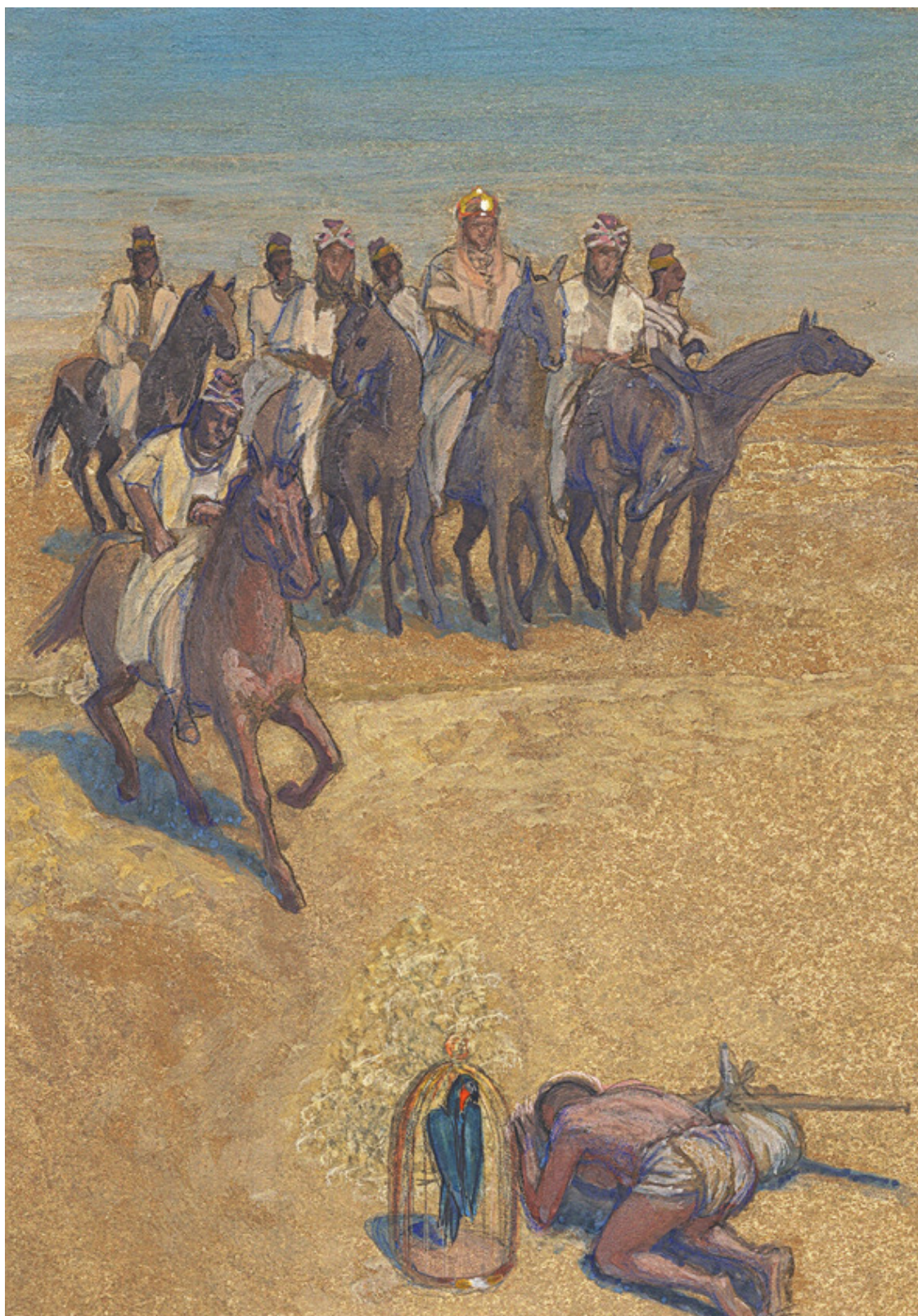
возник араб-дервиш² с попугаем в большущей клетке. Увидев его, Муса пристал к шаху: «Папа, папа! Посмотри, какой красивый попугай! Купи его нам!»

Прогнуться перед шахом – «дело чести» придворного! В мгновение ока один вельможа из свиты шаха, подзвав к себе араба, спросил, какую цену тот готов просить за свой товар. Когда араб ответил, что не продаст попугая дешевле ста золотых, пораженный этой цифрой, придворный вскрикнул: «Ты что, с рождения безумен, или же потом сошёл с ума?.. То, что тебя учтиво спросили о цене, ещё не повод влезть в карман как вору!»

Неслыханная дерзость дервиша и возмущение вельможи, взбесили Абдуррахмана. Он приказал схватить наглеца. Вельможи с таким рвением кинулись выполнять его приказ, что со стороны казалось, будто они готовы живьем сожрать араба. А попугаем после закусить. К тому же, не побрезговав и клеткой. Тут попугай от страха вострепнулся и закричал, что было сил по-человечьи: «Да ниспошлет Аллах тебе, о шах, благословенье! Прости моего бедного хозяина! Отзови своих „голодных псов“! Мне кажется, что мой хозяин, из уважения к тебе, мою цену сильно снизил. Если б не тебе, Абдуррахману, он продавал меня, то запросил бы ровно в десять раз больше! В своём почтении к тебе, Великий шах, мой хозяин продешевил! Взгляните, разве я не стою тысячи золотых?! Он же, о, святая простота, просить решил сотню!»

Сраженный красноречием попугая, шах жестом приказал вельможам остановиться. «Ты можешь говорить по-человечьи? Что же ты за птица?» – только и сумел промямлить он.

² Дервиш – это странствующий мистик-суфий, который живет в Боге и для Бога. Посох, скромная власяница (грубая длинная рубаха из волос или козьей шерсти) и дорожная сумка – вот почти все, что у него есть.

Попугай в ответ склонился в полном достоинства поклоне и начал речь: «Спасибо, что спросил! Имя мое – Аку. Да ниспошлет тебе Аллах здоровья, долгих лет и процветания! А цена моя столь высока вовсе не из-за оперения, яркость коего дарована мне по наследству. И не за покладистость и кроткий нрав! А за красноречие. Ещё с рождения мне дарован талант не только речь, но мысли понимать! Хозяин же развил во мне способность предвидеть судьбы,

и умело прорицать. Все то, чем наградил меня Аллах, его стараниями доведено до совершенства!

Проси, я предскажу тебе судьбу. А хочешь, расскажу о твоём прошлом? Да, и вообще, сказать начистоту, я – непревзойдённый рассказчик. Часами я рассказывать могу: о пекле ада и о райских кушках, о ворах и царях, о трусах и героях, о щедрых и скупцах, о бережливых и о мотах. Купив меня за эту цену, ты лишь отчасти воздашь моему хозяину за труд. Себя же впредь избавишь от напрасных трат на приобретение диковин и на покупку книг, к примеру, по истории, географии, математике и медицине, которые понадобились бы тебе для обучения детей. Купив меня, ты сэкономишь кучу денег... Короче говоря, тебе, чтобы умножить свое богатство и прославить свое имя в веках, всего-то надо, купить меня! И всё!...»

«Что ты несешь? – воскликнул шах, – твоя речь отдаёт бахвальством! „Копни поглубже“, всё, сказанное тобой, окажется пустой болтовней!»

«Отнюдь! – возразил с обидой попугай, – не болтовня – моя стезя! Красноречие – вот мое богатство!»

Его слова произвели на свиту завораживающее действие. Своей пламенной речью Аку всех ошеломил. А дети завизжали от восторга. Даже шах в какое-то мгновение открыл от удивления рот. Правда, быстро овладев собой, продолжил спор с «наглым» попугаем: «Хвалиться не грешно только тому, кто делом подтверждает свои слова! Я же убеждён, что ты – невежда, слегка поднахватавшийся вершков. Если же тебе и вправду все по силам, что перечислил, то ответь на мой простой вопрос: «Сколько лет от роду моему возлюбленному сыну Мусе?»

Свита со смеху так и покатила. Выражая свой восторг по поводу удачной «находки» шаха, придумавшего хитрый ход, чтобы урезонить зарвавшегося попугая. Придворные принялись на все лады хвалить светлейший ум своего властителя, подобострастно воспевая его на все лады: «Да благословит Аллах нашего Великого шаха! Своим вопросом он заткнул невежде клюв!» И, обращаясь к попугаю, злорадствовали: «Ну, сможешь дать ответ? Не торопись! Подумай! Мы подождём! Не ошибись!»

Попугай спокойным взглядом окинул возбуждённую толпу и безошибочно выбрал среди прочих Мусу. Пытливо осмотрел его и молвил: «На сей момент твой сын уже прожил на этом свете четырнадцать лет, пять месяцев, три дня, восемнадцать часов и двадцать семь минут».

«О, Аллах! – в изумлении все выдохнули разом, – точно!»

«Ты, верно, слышал от кого-то о Мусе, – предположил с недоверием шах, – а вот скажи, в какой из дней недели он был рождён?»

Вновь оглядев Мусу, невозмутимый Аку гордо молвил: «В пятницу, вечером, как раз была окончена молитва». Взволнованный Абдурахман только и сумел пробормотать: «Вот это совпадение!» Он рассеяно взглянул на попугая, говоря, как будто, сам с собой: «Да ты и впрямь мудрец! И очень точно сумел о нашем прошлом рассказать. Теперь поведай-ка, только без прикрас, по чести, что ожидает принца Мусу».

«Не стоит мне об этом говорить, дабы не вызвать гнев на свою голову. Слепая ярость вряд ли сможет причину устранить, но вот пророка погубить... – робко начал попугай, – «курице привычней в своих перьях!»

Абдурахман, как бы утвердившись в силе, бросил на попугая гневный взгляд и сказал, что не потерпит возражений, поклявшись перед всеми, что если «злосчастный» попугай сейчас же не начнет прорицать, то он прикажет развести огонь и изжарить его живьем.

Было невозможно усомниться в серьезности намерений шаха. И он, наверняка, готов исполнить свою угрозу. Серьезность положения заставила Аку осторожно начать издали: «Ради Аллаха, Великого и Всемогущего, прости заранее за то, что мне придется сообщить тебе сейчас! Поверь, я лишь избранник, через которого вещает сам Аллах! Я открываю клюв, чтоб передать Его слова, его послание! Не будь на то Аллаха воля, я ни за что бы не рискнул подумать, ни то, что говорить... Судьбой начертано Мусе, стать вскоре роковой причиной бедствий

и страданий, болезней и смертей! В великой смуте ты лишишься многих подданных своих, и всё это случится очень скоро...»

Разум шаха вскипел с досады: «И это предсказание судьбы?!» Схватил он клетку с ученым попугаем и грохнул оземь, что было сил. Затем, влекомый яростью, метнулся к ней, и стал топтать, словно пытаясь сровнять с землей. Свита тоже не осталась в стороне! Вельможи накинута на дервиша. Разве не забава – бить того, кто не готов ответить? Каждый норовил ударить побольней... Вдруг, крик со стороны, остановил «веселье». Обернувшись, шах и его свита увидели скачущего к ним галопом всадника. Конь без седла. Тело всадника в кровоточащих ранах. Упав с коня, он бросился в ноги шаху, громко причитая: «О, Аллах! О, Аллах! Спаси и сохрани меня от гнева! Не вели меня казнить, о, повелитель, за то, что, сам Аллах, распорядился моими устами сообщить тебе горестную весть! Лишь я один остался жив из целого дозора, что с севера владения обходил. Напал на нас „шакал“ – Абдул-Азиз с огромным войском. Все наши города и села, близ границ, превращены им в пепел и руины!»

Сраженный, словно молнией с небес, известием о нападении синарийцев, шах Абдурахман остолбенел. В напряжении замерла и свита. Они осмысливали услышанное, тупо уставившись на окровавленного вестника. Вдруг по их спинам пробежал смертельный холод. Это позади толпы вельмож раздался зловещий хохот попугая. Злорадствуя, он бесновался в смятой клетке. Кричал своим надтреснутым, скрипучим голосом: «А я, что говорил? Поверили теперь? Уже я не „невежда“? Всегда так! Вначале расскажи да расскажи, а как услышат правду,

так от страха, спешат заткнуть мне глотку!.. Не успел я клюв раскрыть, как всё, о чем сказать хотел, свершилось! Вы называли меня лжецом... Даже вознамерились убить! Теперь-то ясно Вам, что сказанное мною, волею Аллаха, чистая правда?»

Шах в оцепенении молчал.

А попугай продолжил: «В моих же силах и помочь тебе, Абдурахман! Ты сможешь избежать главных потрясений, и неприятностей, и большинства из жутких бед, когда последуешь моим советам...»

Очнувшись, шах взревел от гнева: «Да ты заткнешься, наконец! Что может посоветовать мне птица?!»

Тут Муса вступился за попугая: «Аллах да благословит тебя, о, великий шах! Ведь ты только что убедился в правдивости его слов! Послушай его ещё разок, пусть выскажется, а там... Пусть сам Аллах решит!»

«Ладно, – уступил любимому сыну Абдурахман, – пусть вещает. Но если только он не сможет указать на выход из сложившегося положения, я ему голову сверну!»

Аку не заставил долго ждать. Он заговорил уверенно и быстро: «Синарийский шах ведет свои войска к ущелью Кимба. Чтобы через горы, скрытно подойти к твоей столице. Не с севера, где его ждут, а с востока».

«Ни одному смертному из моих подданных не известен этот путь, – не преминул заметить шах, – как же он стал известен шаху Синари!»

«Дай срок, – ответил попугай, – я объясню и это. Сейчас же, не теряя времени, возвращайся во дворец и направь отряд доблестных воинов оборонять проход в ущелье между гор Кимба и Убандаваки. Чтобы остановить врага в этом месте достаточно десятка храбрецов. А два десятка смогут обратить все войско Абдул-Азиза вспять. Чтобы выполнить обходной маневр ему потребуется время, которого будет достаточно, чтобы ты успел подготовить своё войско к решающему сражению».

Шах колебался. И опять Муса принял сторону попугая: «Эта птица, наверняка, знает то, что нам не ведомо! Давай последуем совету этого мудрого попугая. Там будет видно... На все воля Аллаха!»

Как сквозь горячий туман выслушал шах Абдурахман и совет попугая, и просьбу сына. Не успел ещё Муса умолкнуть, как шах сидел уже в седле. Во весь опор он мчался во дворец, на скаку приказав свите следовать за ним, да не забыть араба с попугаем. Во дворце великий шах отдал приказ отобрать сотню храбрецов и направить их в место, указанное Аку. Он разослал гонцов во все концы с приказом собирать большое войско. Кузнецам было приказано день и ночь, не покладая рук, ковать оружие.

Через пять дней пришло известие от храбрецов, которых шах послал в ущелье Кимба, чтобы преградить проход врагу. От усталости гонец едва держался на ногах, но весть доставил шаху о победе. Пред троном он поведал, начав так: «Аллах послал тебе победу! О, великий шах! План твой удался! Мы заняли позицию в том месте, которое ты точно указал, и начали готовиться к сражению. Позавчера увидели, как небо потемнело от пыли, которая вздымалась в небеса из дальнего конца ущелья. Приближалось вражеское войско. В нём было столько воинов, что не хватало глаз, его окинуть. Оно всё прибывало. Конные и пешие, воины Абдул-Азиза заполнили ущелье целиком. А конца еще не было видно.

Когда их авангард приблизился к засаде, мы сбросили на них с соседних скал груды камней, специально подготовленных на этот случай. Наши стрелы в них лились дождем! А камни били градом! От неожиданности дрогнули первые ряды, и повернули вспять, при этом, налетев на тех, кто шёл за ними. Началась паника, давка, свалка! Конные давили пеших, а те толкали и валили их на трупы, уже погибших с нашей помощью, врагов. В узкой лощине у них не было возможности развернуться в боевой порядок. Так, слой за слоем своими трупами они заваливали выход из ущелья. Окончательно смешавшись, враг начал отступать. Схватка продолжалась. Они дрались уже между собой за право первым вырваться из Джаханнама³. Нам только оставалось бить их в спины. Что мы делали до самой темноты. Поняв, что здесь про-

³ Джаханнам – ад

биться невозможно, Абдул-Азиз подал команду к отступлению, и его войско стало отходить. Пришлось врагу погибнуть без сражения! Синарийцы даже не смогли придать земле погибших воинов».

Радость озаряла лик шаха, когда он слушал рассказ гонца. Вознаградив его от всех своих щедрот, он тут же направился в зал, где стояла клетка с попугаем. Вкратце сообщив о ходе

боя, шах долго воздавал хвалу Аллаху, за то, что тот послал ему Аку. В итоге заявил, что признаёт его умение предвидеть, прощает оскорбления и берёт к себе на службу. После этого шах распорядился расплатиться с арабом, выдав, хозяину за попугая, две сотни золотых, вместо одной. Ещё он от себя добавил отличного верхового жеребца, семерых слуг, дюжину самых красивых одежд из своего личного гардероба и отпустил с миром.

Той же ночью к визирю возвратился Баракай. Вот что поведал верный слуга своему хозяину о происшедшем в ущелье Кимба. «Войско Абдул-Азиза уверенно двигалось по ущелью Кимба. Мы были уже близки к выходу из него, как вдруг на нас обрушились камни со скал. Затем нас просто засыпали стрелами. Они неслись стеной! Подо мной убило лошадь. Не знаю, как я сам остался жив! Войско шаха Абдул-Азиза пришло в смятение. Не было ни шанса на победу. Тогда я спрятался под убитой лошадей и притворился мертвым. Так, без движений, я пролежал весь день. В то время как надо мной бесславно гибло войско Абдул-Азиза. Спустилась ночь. Бойня прекратилась. Войско Абдул-Азиза в беспорядке отступило. Долго я ещё лежал под трупами, прислушиваясь. Я ждал удобного момента, чтобы выбраться из своего убежища и ползком пробраться в город под покровом ночи».

Вместо одобрения и похвал визирь с пристрастием спросил у Баракаю, не видел ли его кто-нибудь, когда он направлялся в Синари или возвращался с поля боя. «Клянусь Аллахом, никто меня не видел!» – заверил его с жаром Баракай. «Как же тогда Абдуррахман догадался, когда и с какой стороны ждать нападения синарийского войска», – вслух рассуждал визирь. Почуввав недоверие хозяина, испуганный Баракай стал клясться, убеждая его, что он тут не причём. «Ума не приложу! Хозяин... Мой рот был на замке! Клянусь Аллахом! Я был заметнее не больше серой мыши...» – причитал он.

Визирь решил, что у шаха Абдуррахмана есть осведомитель среди синарийцев. Но кто? «Ладно, разберемся», – решил он, – отложим это дело на потом».

На третий день в столице собралось всё войско. Город переполнился всадниками и пехотой. Жители соседних деревень изнывали под бременем приказа кормить солдат и лошадей. Наконец, однажды, ранним утром, шах отдал войску приказ готовиться к походу. А перед тем позвал к себе визиря, чтобы доверить ему управление столицей на время своего отсутствия. На что визирь (о, сын змеи, хитрый и вероломный!) с поклоном отвечал: «Я с честью принимаю твой приказ как признак наивысшего доверия!»

Для охраны и обороны дворца Абдуррахман оставил во дворце пятнадцать лучших воинов дворцовой стражи, приказав не покидать своих постов иначе, как если сам Аллах потребует к себе на суд их души. Он поручил дворецкому присматривать за Мусой с Махмуду. Затем, выпроводив из покоев придворных, завел Мусу с Махмуду в зал попугая и, потребовал торжественно поклясться: «Во имя блага царства в его отсутствие, и чтобы избежать всех бед из-за ошибок и необдуманных поступков, если заподозрят что-то неладное или чего-то не поймут, срочно советоваться с Аку, и в точности следовать его совету, пусть даже он покажется на первый взгляд абсурдным! Ослушаться Аку, – говорил он, – значит, меня не уважать! Перечить Аку – значит оскорбить мое решение!» Мальчики твердо обещали следовать указаниям отца и деда, поклявшись, что верно поняли его, и осознали важность приказания. Тогда шах обратился к попугаю, сказав: «Тебе оказано великое доверие! Готов ли ты принять его? Если так, то, да поможет нам Аллах! Хотя, ты волен высказать любое свое мнение».

«Будь уверен! Я прекрасно понимаю, ту честь, которую ты оказываешь мне, птице, доверяя самое святое – своих детей! И принимаю на себя ответственность за них. И, да продлятся годы твои вечно! – ответил Аку, – коль будет на то воля Аллаха, и ты, и я – мы справимся с задачей!»

Шах любезно поблагодарил Аку а, перед уходом заметил, как бы невзначай: «Да, вчера случайно встретил одного торговца. При нем была говорящая попугаиха. Так я её купил.

Живите вместе! Надеюсь, она сможет окружить тебя должной заботой и вниманием!» Шах послал за птицей.

От счастья Аку «растекался лужей». Пролывая на шаха елей благодарности и всяческих благословений...

Ударили походные барабаны. Шах покинул дворец и сел на коня. В этот миг коварный визирь во всеуслышание задал ему вопрос: «Да ниспошлет Аллах тебе победу! Неужто ты забыл об обещании своем? Что принц Махмуду возглавит войско в первом же походе?!»

Гневным взглядом, смерив визиря с головы до ног, словно пытаясь испепелить его, шах громко объявил: «Махмуду, вот твой конь! Садись в седло, мы отправляемся в поход!» Махмуду, словно ждавший этого приказа, с быстротой молнии вскочил на коня. Как ни жалко было шаху разлучать детей, но гордость не позволила ему изменить решение.

Муса закричал: «Я тоже еду! Дайте мне коня!»

Шах взглянул на сына с теплотой во взгляде, однако твёрдым голосом сказал: «Твое место, во дворце!» Муса стал возражать, кричать, упрямо требовать взять его с собой... И утверждать, что их с Махмуду нельзя и на минуту разлучать... Все напрасно! Шах был непреклонен в своем решении. Он кликнул стражников с дворецким и приказал держать Мусу. Беречь до его возвращения пуше глаза своего, предупредив: «Смотрите у меня! Муса не должен покидать дворец, ни под каким предлогом. Если же не уследите, всех казню!» Стражники по приказу шаха, втащили Мусу во дворец и заперли ворота. Войско Абдуррахмана двинулось навстречу синарийцам.

По уходу войска, визирь вернулся домой. Тут, вдалеке от чужих глаз, он дал волю чувствам. Он разразился злорадным хохотом. От радости скакал. Как же, его план почти удался! Решены сразу два из трех пунктов плана: он сумел заставить шаха разлучить Мусу с Махмуду, к тому же шаха тоже нет во дворце! Визирь стал обдумывать в деталях план убийства наследника, который должен быть осуществлён до возвращения шаха. «Если мне удастся известить Мусу, то для меня не имеет значения, кто победит в войне: Абдуррахман или Абдул-Азиз, всё равно я стану шахом!» – упивался предвкушением визирь.

Не успела пыль осесть за войском шаха, визирь вызвал к себе четырёх громил, что состояли у него в охранной службе, и посулил высокое вознаграждение за их верную службу. Те, в один голос ответили: «Приказывай, наш господин! Мы выполним любое твоё желание! Будет на то воля Аллаха или нет!»

«Мне нужно, – заявил тогда визирь, – чтобы вы расправились с Мусой! Он остался во дворце на всё то время, пока шах Абдуррахман и его внук Махмуду сражаются с Абдул-Азизом!»

«Но, как нам это сделать? Его ведь охраняет дворцовая стража!» – зароптали верные слуги.

Визирь прервал их: «Мне нужны дела, а не слова! Слушайте меня. Я все продумал. Мысли Мусы сейчас всецело заняты поиском способа воссоединения с „братом“ Махмуду. При первом же удобном случае он попытается тайно сбежать из дворца. Этого нам и надо. Ваша задача лишь подстеречь его с мешком у стен дворца, схватить, скрутить, заткнувши рот в мешок засунуть, связать и оттащить к реке. Там, привязать на шею камень и бросить в воду, чтобы утопить. Понятно?»

Растерянно кивая, слуги мямлили, что сказанное визирем им понятно.

Итак, ночами, в засаде у дворца, им велено подстерегать намеченную жертву...

Целый день провел Муса в унынии. Дворецкий, решив, что принц переживает об отце, его не трогал. Вечером, как обычно, дворецкий обошел и запер двери замка. Поставил стражника к дверям покоев принца. В общем, принял меры, чтобы, выполнив приказ шаха, и не подвергать себя опасности оказаться у него в немилости, точнее, кончить жизнь без головы. Затем направился в караульную комнату, где вознамерился болтать со стражниками до утра.

Жизнь корректирует порой людские планы! Рано или поздно, усталость всё же одолела всех. Стражники уснули. Муса же только этого и ждал. Он был уверен, что договорится с Аку, и тот не будет препятствовать ему, отправиться вослед Махмуду. Только до него донесся храп стражника, он надел доспехи, взял копье, щит, и, бесшумно отворив тайно смазанные двери, тенью выскользнул из своих покоев. На цыпочках прокрался в зал, что его отец выделил для Аку.

Попугай мирно дремал в клетке подле своей подруги, поскольку толком и не спал с тех пор, как шах со свитой повстречал его с хозяином у озера. Муса решил слукавить. «Раз хозяин спит, не стану я его тревожить, спрошу-ка разрешенья у хозяйки, – рассудил он, – недаром мудрость старая гласит: «никто хозяину не докучает так, как гость или работник!» И, обратившись к попугаихе, Муса сказал: «Я пришел вам сообщить, что отправляюсь за Махмуду, и разделю его судьбу, хвала Аллаху!»

Заявление юного принца вмиг пробудило в самке материнское чувство. Она вдруг всполошилась, запричитала во все горло: «Как же так? А как же быть с доверием отца? А обещания твои? Так нельзя! Это невозможно! Не можем мы послушаться шаха! Он и тебе велел во всём советоваться с Аку»...

Не столь её слова, как громкий крик, который мог разбудить стражу, помutilи рассудок Мусы. Яростно сверкнув очами, он выхватил из клетки птицу, и, сжав от злости, прошипел: «Ты? Собственность моя? „Дочь паники и порожденье крика“, мне хочешь помешать идти за братом? Ну, врешь! Не выйдет!» С этими словами он свернул бедняге шею, да так грохнул об пол, что проснулся Аку.

Заметив это, Муса, не давая ему опомниться, бросился в атаку: «Что ты сказал? Не зли меня! Шутить я не намерен! Видишь сам. Я прибыл сообщить о своем уходе. Я отправляюсь за Махмуду!»

Соразмерив гнев Мусы с видом распостертого на полу маленького растерзанного тельца своей подруги, Аку понял! Пока он спал, тут разыгралась драма. Попугай, не забывавший даже на мгновение о доверии, которое оказал ему шах Абдуррахман: быть вроде старшего у соб-

ственного сына, с ужасом подумал, что не перенесёт позора, если не сможет это доверие оправдать! В то же время он отдавал себе отчет, что против силы будет устоять непросто. И если станет он открыто бунтовать, препятствовать Мусе в осуществлении плана, то вмиг разделит участь своей ответственной, но глупенькой подруги. Пока же Аку размышлял о чувстве долга и превратностях судьбы, Муса, с трудом преодолевая раздражение, вновь стал его цеплять: «Ну, что молчишь? Небось, не хочешь остаться без головы?»

Аку сделал шаг, развел в поклоне крылья и ответил: «Ума не приложу... И как ты мог вниманье обращать на бабьи сплетни?! Ведь говорят в народе, женщину послушай, и поступи наоборот! Но мы с тобой мужчины и друг друга понимаем! Не думаешь же ты, что я – твой враг? Ведь логика мужская такова, что мыслить мы по-разному не можем! Лично я тебе скажу об этом так: «Дурак, кто верит, что запретом мужчину можно удержать. Тем более, когда его помыслы чисты и благородны. К примеру, вот: прийти на помощь брату! Будь в своем решении тверд! И пусть не будет для тебя преград, тем более пусть не смущают тебя какие-то там клятвы и обеты! Что такое честь, и доблесть?! И ты не виноват! Как можно следовать тому, чему тебя и не учили! Дисциплина? Подумаешь, отец сказал, советоваться с птицей... Наказывал, без рассуждений исполнять мои приказы! Да ну его. Его сейчас тут нет! Да, он и не узнает ничего. Не для того же ты сюда пришел, чтоб выполнить его приказ?! Были времена, конечно, когда считалось честью советы старших принимать и руководствоваться ими как заповедями. Аллах свидетель, эти времена давно прошли! Но, есть примеров тьма, когда неладное творится с теми, кто пренебречь советами готов. Знал бы ты, к примеру, что случилось с принцем-львенком, который ослушался совета своего учителя... Надеялся всю жизнь свою прожить в угоду своим собственным желаниям»...

«Кто? Львенок, говоришь? – переспросил с сомнением Муса, – чьим же советом он мог пренебречь? Да и какие могут быть советы у зверей!»

«Постой! Порой, они как люди поступают, – молвил Аку. – А хочешь знать, как дело было – слушай»:

О самоуверенном львёнке

Собрались однажды звери на Совет, чтобы сообща придумать способ избежать людских капканов и силков. Каждый мог внести свое предложение. Старейшинам же полагалось выбрать способ, подходящий для всех.

Дошла очередь и до шакала. Он сказал: «В нашем положении, что может быть разумнее, чем устроить школу для обучения молодежи? Лучшие из нас смогут передать молодняку свой опыт, накопленный за годы противоборства человеку».

Звери одобрительно закивали и зашептались. В словах шакала все обнаружили рациональное зерно. Было решено устроить школу. Осталось только выбрать достойного наставника для молодежи.

Престижность должности предполагала уважение. Каждый зверь хотел ее занять. Поэтому, при выборе наставника возникла интрига. Все как у людей! Выдвигая свою кандидатуру, каждый, не только завышал самооценку, но и принижал достоинства других. Гиена нагло заявила, что мол, вообще, лучше неё, наставника и быть не может!

Лев положил конец всем словопрениям. Он рявкнул: «Надобно решать не по словам!.. Пусть каждый свой опишет способ, ловушек человека избегать, и, если он другим подходит, то автора наставником избрать».

Первой взяла слово выскочка-гиена. Она сказала: «Моя тактика проста! Когда до человека далеко – поджимай покрепче хвост и, мчись как ветер! Беги, и не смотри по сторонам... Когда загнали в угол, и некуда деваться – оскалься, и без колебаний бросайся на врага!»

В разговор вмешался заяц. Он выразил сомнение, что он, и уж тем более сурок или, тем более, суслик отважатся напасть на человека! Взяв слово у председателя Совета – льва, заяц заявил: «Аллах да ниспошлет Тебе удачу в твоих делах! Выход виден мне такой: каждый должен вырыть нору в земле, с множеством ходов и выходами, дальше друг от друга. Представьте! Вот, к примеру, человек тебя увидел здесь, ты в нору прыг, и выскакиваешь там. Он – там, а ты – тут. Он – туда, а ты – сюда...»

Буйвол усмехнулся и сказал: «Ни дать, ни взять, дитя! Норок, говорит, себе нарыть! Какой должна быть норка, к примеру, для меня? Не говоря уже о норке для слона или жирафа!»

Шакал заметил строго: «Это верно! Нору для буйвола или слона представить трудно! Зато у них есть способ похитрей. От всех своих врагов они сумели бы оборониться, собравшись в стадо! В стадной жизни каждый всегда будет на виду, а значит, под охраной своих сородичей. Вашей силой и мощью, объединенной в дружный коллектив, вряд ли кто захочет пренебречь! Напасть на стадо силачей сродни самоубийству! Вместе вы будете в безопасности, как в Дар-эс-Саламе⁴. Рискует лишь отбившийся от стада!»

И снова в спор вмешался заяц: «Конечно, кто рискнет напасть на силачей! А если нам пасть, собравшись „в стадо“, собакам будет проще взять наш след. Мы все погибнем!.. Из наших шкур наделают ковриков, а мясо пойдёт в пищу!»

Речь зайца возмутила силачей, которым по душе пришла идея: объединиться в стада. Слон хоботом схватил его за уши, вскинул вверх и протрубил: «Ничтожество! Тебе только и прятаться в норе! А ты о нас подумал? Собаки? Что они мне могут сделать?! Среди моих врагов собачек в списке нет! Хотя, конечно, жаль, что наш собрат, ради спокойной жизни, вступил в союз с врагом и поступил на службу к человеку. Даже позволяет, я слышал, порой себя побить... куда тебе, зайчишке, твоим умишком это все понять! Разве ты не слышал, что стадо – это тактика для нас, для силачей!»

⁴ Дар-эс-Салам – рай

Спор разгорался. Каждому хотелось предстать перед другими докой. Свой способ распихать, как панацею от всех звериных бед, в связи с лихим коварством человека. Но при детальном рассмотрении выяснялось, что способ-то годится лишь тому, кто рассказал о нем. Никак не получалось избрать из претендентов достойного наставника малюткам.

Опять перед Советом предстал шакал. Он заявил: «Да пусть убережёт Аллах Вас от напастей! Выслушайте звери! И Вы, наверняка, поймете, что никого, достойнее меня, на эту должность нет, и быть не может! Ибо нет людской хитрости, которую бы я не знал, и не нашел бы способа избежать напасти!»

«Довольно бахвалиться, – молвила гиена, – чем прославляться, лучше бы поведал, как жив-то до сих пор... Как избегаешь встречи с этим „двуногим“. Глядишь, поверим, что ты чего-то стоишь».

Не обращая внимания на гиену, шакал склонился перед львом в почтительном поклоне, и молвил: «Благослови Аллах! Чаше всего мы обнаруживаем себя произвольным рыком, который мы неосмотрительно издаем, порой, не ко времени и не к месту, по поводу, а иногда и без него. Взвесив это, я сообразил, что нет нужды ждать подтверждения тому, что ты замечен! Раз уж получилось: рывкнул на востоке – беги на запад; прорычал на севере – беги на юг. Словом, принцип мой такой: не следует задерживаться там, где тебя могли услышать, тем более во время охоты!»

Лев покачал косматой гривой: «Конечно, есть в твоих словах какой-то смысл, но, как же спать? Или предлагаешь бегать всю жизнь без отдыха и сна? Таких бегов не выдержать и дня, не то, что месяц! Да, к тому же дети...»

«Хвала Тебе, Творец! За то, что ниспослал Ты мудрости старейшим! – продолжил вкрадчиво шакал, – я, конечно, сплю, но только в поле, где звуки разносятся легко во всю его ширь. Там слышен всякий шорох. Услыхав шаги, я просыпаюсь. Но, не бросаюсь сразу наутек, а выжидаю. Враг стоит – я стою, притаившись. Даже мое сердце замирает, дабы своим стуком меня не выдать. Если враг идет – то я бегу, но не напролом, а скольжу тенью, чтобы ни единым звуком не обнаружить своего присутствия».

Вновь льву понравилась тактика шакала. Гиену же все было не унять: «Кстати, уважаемый, сказать: а как насчет питья? Коварные людишки подкарауливают нас на водопое! Им неведом наш закон о водном перемирии! Чего твой стоит способ, когда пьешь воду?»

Шакал продолжил: «И на водопое меня, в отличие от всех, врасплох застать сложнее! Поскольку воду я пью не так, как остальные. Вы наклоняетесь к воде и предаетесь утолению жажды вожделенно, до самозабвения! Я же вхожу в воду по колено, обмакиваю хвост, затем его сосу. При этом я не опускаю головы, и озираясь беспрестанно, прислушиваясь и принимаю. Так я повторяю до тех пор, пока ни утолю жажды».

Ваш способ не может обеспечить возможности вести контроль подходов со спины. Если во время водопоя к вам подкрасться сзади, то не миновать беды!»

В разговор вмешался леопард. Он рывкнул: «В чем люди превосходят нас по всем статьям, так это в умении устраивать силки, ловушки, западни! Их уже никто не может избежать!»

Шакал и тут нашёлся, чем возразить: «Я всегда настороже! Если дерево согнуто, нет признаков корней у основания, нет веток или сухие листья – следует менять маршрут. Ни для кого не тайна, что деревья не растут без листьев и корней. Это означает, что одной из причин, заставивших дерево засохнуть, может быть, ловушка, устроенная здесь человеком. Не стоит проверять: так это или нет. Лучше обойти другой дорогой!»

Еще я не набрасываюсь на еду, которая, «случайно» оказалась на дороге. «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке!» Уверен, это происки врага! Он использует приманку, чтобы заманить незадачливого зверя в свою ловушку! Предпочитаю обойти такую легкую добычу десятой дорогой и забыть о ней. Куда надежнее, попотев на охоте, затем насытиться без страха и сомнений!»

Лев и остальные звери, пришли в восторг от мудрости такой. Единодушно они решили избрать шакала наставником своих детей. Так в зарослях открылась звериная школа.

С этих пор, день за днем, с терпеньем мудрой няньки, собрав вокруг себя всех малышей, шакал учил их звериной мудрости. Без устали он вдалбливал в учеников разнообразные приемы, с помощью которых они могли бы распознать ловушки.

Все шло гладко. Только вдруг в одном ученике проснулась гордость! Царем зверей почувствовал себя молодой львёнок. Заявив, что ему претит наставничество шакала, львенок вознамерился покинуть школу. И как только шакал ни убеждал! Пытался удержать его угрозой, пожаловаться отцу. То, ошестившись, рычал. То, проливая слёзы, уговаривал остаться – всё было тщетно! Львёнок заявил: «Я царь? Или не царь? Мне некого бояться в этом мире! Наступит день, и, встретив эту тварь, которая зовётся человеком, я вытащу все жилы из него! Пусть только попадётся! Я разорву его и обглодаю кости! До капли выпью кровь! Клянусь могуществом царя зверей, всё сделаю спокойно!»

Много ли, мало времени прошло с тех пор, но вот, однажды, прогуливаясь в зарослях с жирафёнком, львёнок встретил незнакомое существо.

Похожий на облезлую бесхвостую обезьяну зверь, шёл на двух ногах, неся на плече какие-то палки да веревки. Он приближался. Один! «Должно быть, отбилась от стада», – решил «смышлёный» львенок.

Выйдя на поляну, незнакомец начал что-то мастерить из палок, что принёс с собой, связывая их веревкой. Он, то напевал себе под нос, то орал, как сумасшедший, во все горло. Занятый своим делом, он ничего вокруг не замечал.

Увидев за спиной у незнакомца шакала, знаками призывавшего спрятаться, жирафёнок быстро скрылся в чаще. Львенок проигнорировал предостережения учителя. Он продолжал стоять на месте, уставившись на незнакомца, как замороженный. Наконец, любопытство взяло верх. Улучив момент, львенок окликнул незнакомца: «Эй! Ты кто такой? В каком родстве ты с нами? С рождения не доводилось мне встречать таких, как ты. И, кстати, по какому праву ты вторгся в мои владения без приглашения?!»

Трепеща от неожиданного рыка, незнакомец выронил свои вещи, и рухнул перед львенком на колени. Голос его дрожал, когда в ответ он стал произносить: «Я, это... Я – „Строитель“. А в том, что ты меня не видел, нет моей вины! Меня все знают: четвероногие и двуногие, крылатые и хвостатые. Те, у кого есть шерсть, и те, у кого ее нет, как у меня!»

«А какая от тебя польза? На что тебе нужны все эти странные предметы, которые ты притащил с собой?» – строго спросил львенок.

Вопрос львенка явно придавал мужества «Строителю». Голос его окреп. «Гиена попросила меня построить для неё надёжный дом, чтоб защититься от человека: она боится его до смерти», – ответил он львенку.

«Скажи, ради Аллаха, где встретить „человека“? Поди, такого зверя в наших краях днем с огнем не сыщешь!» – деловито продолжил беседу львенок.

На это незнакомец ответил: «Придет и твой черёд! Наверняка, ты его встретишь! Хотя, он трус! И подобных встреч боится. Ладно, не мешай! Пора работу делать, а то мне в срок не выполнить заказ! Тут не до болтовни... Гляди-ка, солнце начинает припекать. В это время ничто тебя надёжней не укроет от солнца и не защитит от зноя, как крепкий и надежный дом!...»

«Постой, – сказал, поразмыслив, львенок, – пожалуй, сделай-ка дом мне! А уж потом построишь для гиены».

«Ну, что ты, – возразил „Строитель“, – так дела не делают! С гиеной я имею договор. А тебя впервые вижу! Нет, чтобы мне „лицо не потерять“, необходимо в срок выполнить заказ клиента. И, если хочешь, я построю тебе дом потом».

Львенок возмутился: «Ты не понял! Чтобы сохранить свое лицо, тебе придется дом построить мне, а не гиене! Ей места будет мало, когда я разозлюсь. И тебе не поздоровится! Мне дела нет до твоих обещаний! Вначале строишь мне! И точка!» Прорывав это, молодой лев для большей убедительности выпустил свои крепкие, острые когти и полоснул «Строителя» по набедренной повязке. Та разлетелась в клочья.

Это заставило «Строителя» уступить настойчивому львенку. «Ладно, ладно, – торопливо прокричал он, успокаивая льва, – если уж представитель знатного рода так настаивает, я подчиняюсь. Сделаю дом вначале тебе».

«Давно бы так, – попытожил гордо львенок, – пока не приструнишь холопа, он будет щеголять своей гордыней как мехом после линьки!»

Присев на корточки, «Строитель» смастерил из жердей прочный остов большого шалаша среди деревьев. Затем он крепко-накрепко привязал его основание к корням. После чего, натаскав травы и прутьев, стал аккуратно укладывать их сверху.

Когда всё было готово, остался узкий вход, сквозь который даже львенок еле мог протиснуться. Закончив наведение порядка, «Строитель» с поклоном предложил хозяину осмотреть новое жильё. Только львенок влез вовнутрь, «Строитель» проворно перекрыл ход жердью, которую держал наготове. Затем спокойно высек огонь и подпалил шалаш со всех сторон. Повалил густой дым. Львенок задыхался. Он метался в западне, но всё было напрасно: выхода не было. Осознав опасность, львенок пошел на хитрость. Он вкрадчиво сказал: «Взгляни, „Строитель“! по-моему, дом, что ты построил мне, недостаточно просторен! В нем мало воздуха! Выпусти-ка меня отсюда и расширь его!»

«Как сладки твои речи! – ответил тот, – продолжай, пожалуйста, приятно слушать твой прощальный вой! Только вот, по-моему, со строительством жилья ты поспешил, а с выходом из дома – опоздал! Я и есть тот самый „человек“, которого ты грозился сожрать при встрече. Прежде чем бахвалиться, тебе бы следовало поинтересоваться у старших, как я расправляюсь с вашим братом!»

Чувствуя, что вскоре изжарится совсем, львенок взмолился: «Клянусь, я буду впредь к тебе учтиво относиться! Я никогда не буду пренебрегать советами старших! Прости меня и выпусти отсюда!»

Увы, человек был непреклонен. Он сказал: «Об этом надо было раньше думать! А, снявши голову, по волосам не плачут!»

Вскоре львенка поглотил огонь. А человек пошёл своей дорогой.

Не можешь слушать – будешь знания своим опытом приобретать! А опыт не всегда бывает легким! Порой, за знания приходится страдать!

В этот миг Муса встрепенулся: «Что я слышу? Муэдзин⁵? Уж не призыв ли это к утренней молитве?»

⁵ Муэдзин – у мусульман служитель при мечети, возглашающий с высоты минарета часы установленных молитв.

Аку сделал вид, что прислушивается. «А ведь и вправду, – подтвердил он, – это утренний призыв к молитве! По-моему, муэдзин немного поспешил: не может быть, чтобы так скоро наступил рассвет!»

Муса понял: возможность сбежать из дворца этой ночью, упущена. Дворецкий и стража уже на ногах.

Весь день Муса сожалел о неудаче. Что называется, «локти кусал». Он молил Аллаха, чтобы вечер наступил быстрее. А слуги уснули, как можно раньше, тем самым, предоставив ему новый шанс сбежать из дома. Наконец он услышал долгожданный, ласкающий его слух, храп стражников. Они уснули! Муса вновь направился к Аку за напутствием в дальнюю дорогу.

«Твоя настойчивость достойна похвалы, – заметил Аку, – сил всех правоверных мусульман не хватит, чтобы сбить тебя с пути к заветной цели! И уж куда там мне, с моими жалкими лапками да крылышками пытаться препятствовать тебе! Знаешь, если поторопишься сегодня, то к утру будешь уже далеко от дворца». Муса уже направился к двери, когда услышал совет Аку: «Возьми, на всякий случай, лампу. Прошлой ночью, я слышал, двое воров орудовали в доме одного почтенного вельможи. Так, городской страже теперь приказано задерживать любого, кого заметят ночью в городе без лампы».

Муса остановился в нерешительности у двери. «Откуда тебе знать, что случилось вне дворца прошедшей ночью, тем более, когда я точно знаю, что ты был в этой комнате, поскольку сам был в ней с тобой! Я, лично, ничего не слышал. И об аресте воров никто не сообщал»...

«Ну, знаешь, – возмутился попугай, – если ты мне не веришь, то совсем не дружишь с головой! Вспомни-ка ущелье Кимба! Да, если хочешь знать, какой-то вор пробрался ночью через окно в кладовую вельможи! Разостлал ковер, чтоб складывать в него краденые вещи, и только приступил обшаривать кругом, как, вдруг, второй воришка проник туда в дверь. Не ведая о том, что там сидит другой. Лишь только второй вор двинулся вовнутрь, как тот, что был внутри, услышал звук шагов. Решив, что за ним крадутся сторожа, он опрометью бросился к окну. Почувствовав движение, второй решил, что тут засада и бросился бежать в дверь, не солоно хлебавши. Так и получилось, что воры друг другу помешали воровать. Как говорится: «Вор у вора дубинку спёр!»

Муса слушал попугая, раскрыв рот. Когда рассказ о ворах был окончен, заметил: «Смотри, как воры разгулялись, стоило шаху покинуть столицу!»

«Да нет, причина тут иная...» – заметил Аку, и, как бы продолжая рассуждать, начал новый рассказ.

Дурак и поступает по-дурацки

В период Хармата⁶, в отсутствие дождей, погибли все посевы. Дичь ушла далеко, следуя за водой и пищей по мере наступления засухи. Еды было вдоволь лишь у богачей, поскольку они имели большие припасы. Простые люди питались, чем придется. Наступал голод. Удачным считался день, когда хотя бы видели еду! Чаше о ней лишь говорили. Для большинства людей единственным средством выжить стал подножный корм. Но и его не всем хватало. Дошло до воровства!.. Ведь положение, когда нет продуктов, которые можно купить за деньги, толкает людей на самые отчаянные шаги! По ночам, порой, бедняки отправлялись на поля богачей красть маниоку⁷.

Как-то собрались трое бедняков: Кодаго, Кадан, Казунзуми, ночью на ближайшее поле соседа-богача красть маниоку. Взяли корзины повместительнее и пошли.

Добравшись, стали шепотом решать: «неплохо бы вначале подкрепиться, а затем, без суеты и спешки, доверху наполнить корзины». Все были так голодны, что уговаривать никого не пришлось. Набрали маниоки, и присели подкрепиться.

Друзья мечтали, как назавтра, поутру, продав часть маниоки, на вырученные деньги они купят «настоящей» пищи и наедятся досыта.

Набивши рот, Кодаго сказал: «Ох, и вкусная же у этого хозяина маниока!» Кадан недовольно пробурчал ему в ответ: «Лев молчит, охотясь! Заткнулся бы и ты, да прислушивался бы, как охотник!» Казунзуми, напротив, поддержал Кодаго, сказав: «Да не будь ты букой! Гляди, Аллах открыл нам путь к достатку! Если мы и дальше так будем красть да продавать, то вскоре нам некуда будет деньги девать!»

Так, в беседе, они развивали мечту о своем нехитром счастье. По мере насыщения и от распалившихся фантазий их голоса крепчали. Они говорили все громче и громче. В конце концов, заговорили в полный голос. Словно они не крали маниоку на чужом поле, а сидели дома.

Насытившись, стали наполнять корзины. К полуночи, болтая почему зря, они в темноте приблизились к сторожке. Их голоса привлекли внимание сторожей. Те решили схватить воров с поличным. Подкрались незаметно и кинулись на них. Орала в азарте: «Хватай! Лови! Стреляй! Держи воров! Бей их! Окружай! За мной!» И все такое...

Что тут началось... Не приведи господь! Сторожа пускали стрелы, метали копья, камни – всё, что под руку попало. Хотя, они и били наугад, изранили порядочно воришек.

А сторожа-то кто? Вчерашняя деревенская беднота. Но видели бы вы, с каким усердием они набросились на своих братьев. А могло ли быть иначе? Ведь теперь они не бедняки, а сторожа, хотя, всего лишь поля маниоки. Откуда люди черпают то зло, что заставляет их унижать себе подобных, став по положению чуть выше? Презрение и гнев, желание обидеть: ругнуть, толкнуть и пнуть под зад! Это был тот самый случай...

Воришки же, и в этом переплете, не бросили корзин. Бежали с ними. И, как ни тяжела была их ноша, да только стражники их не могли догнать. Пуская стрелы, выкрикивая вслед угрозы, они шаг за шагом стали отставать. Возможно, страх придавал ворам силы. Те бежали, как безумные, не думая о том, что можно облегчить свой бег, выбросив корзины с грузом.

Вдруг Кодаго взмолился: «Не могу! Устал! Будто сам шайтан на мне скакал! Давайте бросим хотя бы часть маниоки! Нет мочи тащить такую тяжесть!»

Кадан взвыл в тон другу: «Я согла-а-а-сен! Уже-е-е да-а-а-вно искал предлог, чтобы избавиться от этой ноши».

⁶ Харматан – сильный зимний ветер, пыльная буря

⁷ Маниока – тропическое растение со съедобным корнем в виде картофеля

Их стенания прервал настырный Казунзуми: «Раньше времени не трусь!» Попытался он подбодрить своих товарищей, но вдруг упал и лишь тогда продолжил: «Ой, кажется, мои слова идут наперекор воле Аллаха! Неужто я от того упал, что захотел вас поддержать в неверном деле! Напомнил о необходимости украсть! Это видно перст судьбы! О, Всевышний! Помогите!»

Друзья в ответ: «Вставай скорей! Не стоит расслабляться! Ради всего святого! Возможно, известие о том, что мы уже недалеко от дома, окажется лекарством для тебя, которое поможет на ноги подняться!»

А Казунзуми опять свое: «Мне больше не подняться! Я умираю! Наверное, истекаю кровью от ран, нанесенных сторожами».

Когда в ответ на это заорал: «Не волнуйся! Ты не умрешь не отомщённым! Если ты умрешь, мы пойдем к эмиру с жалобой на сторожей, которые убили тебя за то, что мы съели несколько клубней маниоки, чтобы не умереть с голоду!»

Услышав это, сторожа опешили. Остановились. В это время воры, воспользовавшись замешательством преследователей, уговорили-таки Казунзуми подняться, и дали деру. Стражники стояли, обсуждая угрозу, высказанную в их адрес. Один спросил: «Ты слышал, что сказали?» «Да», – ответил тот. И задал третьему тот же вопрос. Оказалось, что и он слышал. Значит, ни какой ошибки быть не может. Воры и впрямь грозили пожаловаться эмиру на сторожей, ранивших их друга. Еще они сообразили, что почти догнали воров и, вот-вот, схватят их. Тогда они решили из принципа догнать и посмотреть, что те украли.

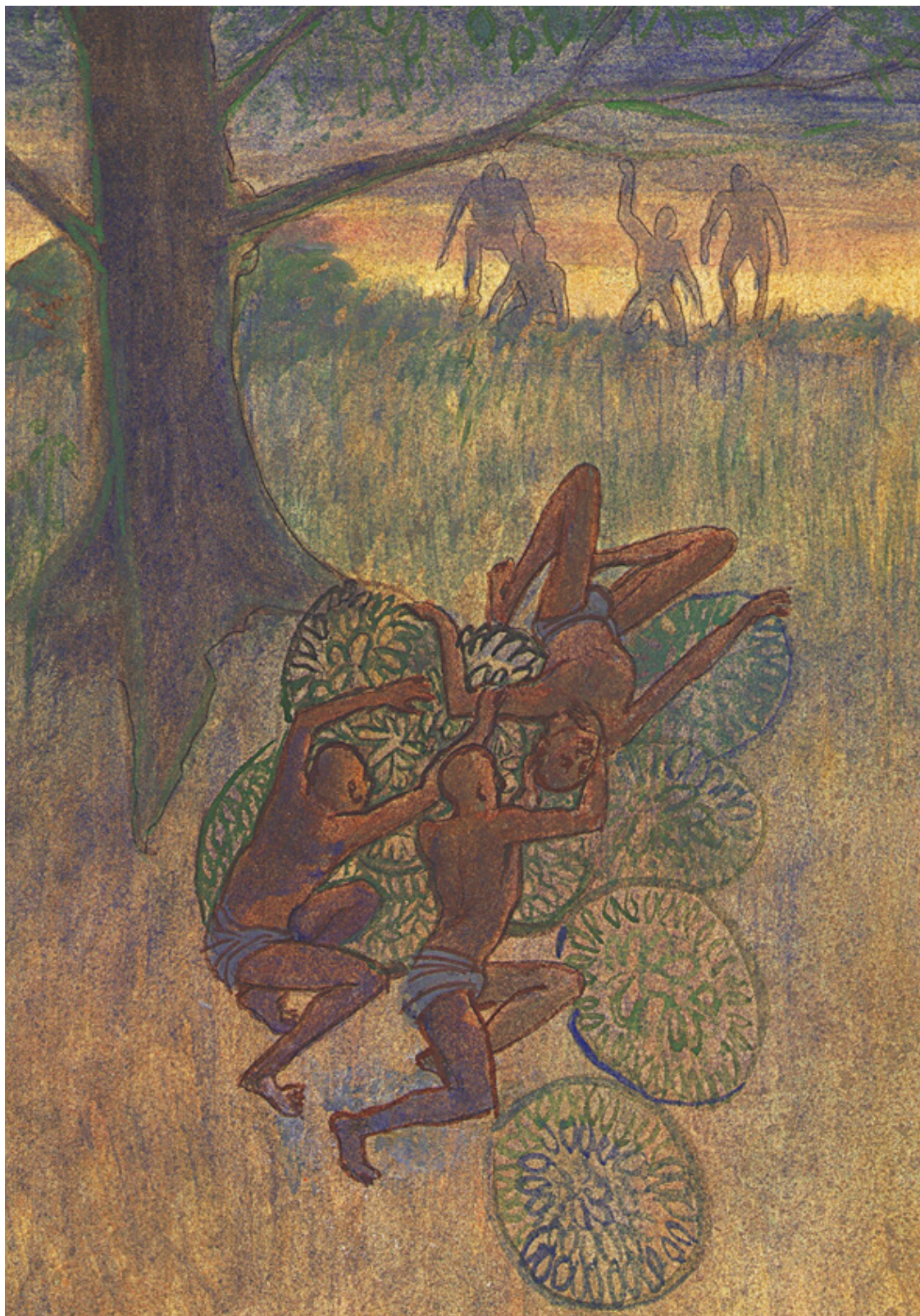
Когда погоня возобновилась, Казунзуми пал духом и свалился с криком: «Ой, голова! Зачем я путь продолжил! Неужто для того, чтоб убедиться, что умираю? Все! Если даже выживу, до самого утра с земли не встану! С места не сойду! Чувствую, как силы покидают меня. Спасайтесь сами, братцы! Бросьте меня! Здесь я обрету свою могилу! Если вам повезет больше меня, и вы спасётесь, передайте моим, чтобы не горевали. Пусть просто вспоминают иногда».

Его стенания заставили стражников вновь остановиться и прислушаться.

Казунзуми продолжал: «Проследите за исполнением моей последней воли: чтобы, после смерти, как полагается, раздали милостыню нищим. Я поручаю вам опекать моих детей. Приглашайте за ними хорошенько, чтобы не сбились с пути истинного. Всё! Умираю!» И с этими словами он затих, притворившись мертвым.

Стражники стояли в нерешительности. А Когда с Каданом вскинув к небу руки, причитали: «О! Очнись! Не покидай нас! Смотри, не слышит! Глаза остекленели!.. Раз он погиб от ран, мы поутру пойдем к эмиру. Не верится, чтоб сторожам давали право убивать! Все! Остаемся здесь! Пусть всех убьют! Пусть разлучат нас с нашими детьми! Но, пусть воздастся им, за то, что убивают правоверных мусульман!»

Пока стражники, озадаченные услышанным, раздумывали, что им делать дальше, Казунзуми вскочил, икая, а затем с предсмертным храпом свалился наземь и затих, будто отошёл в лучший мир. Его друзья стенали, в молитве повторяя: «Умер! Наш приятель погиб!»

Окончательно поверив, что совершили убийство, сторожа, в душе оставшиеся крестьянами, решили на всякий случай убежать, пока никто их не застал на месте преступления. Не сговариваясь, они кинулись врассыпную.

Тогда, Казунзуми с товарищами, как ни в чем, ни бывало, продолжил путь в деревню.

Вернувшись, они спрятали в тайник свои корзины с «воровской добычей», и с жадностью накинулись на воду. После длительного бега с тяжелой ношей и от страха их мучила жажда.

Вода же вызвала реакцию внутри. Весь остаток ночи у них урчало в животах, булькало и клокотало, крутило. Перед рассветом их животы раздулись, словно переполненные бурдюки. Их рвало и несло. Маниока выходила даже носом! Так продолжалось до тех пор, пока Аллах, наконец, ни успокоил их души.

Когда нашли в их тайнике корзины с маниокой, стало ясно, что Кодаго, Кадан и Казунзуми погибли, объевшись маниоки с голодухи. Делать нечего! Их оплакали и похоронили.

И, хотя, деревня, в которой произошли эти трагические события, была недалеко от поля, где покойные крали маниоку, сторожа не знали ни о чём. Страх же быть наказанными эмиром за убийство заставлял каждого из них придумывать способ свалить вину на остальных. Утром один из сторожей спросил других: «Как вы думаете, кто из вас убил вчера того несчастного? Лично я уверен, что не я!» Второй заявил: «И уж тем более не я, так как я бежал позади вас!» Третий сказал: «А кто кричал: «Бей их! Стреляй!?»

Один спросил: «А тебе что, неизвестно, что так всегда кричат для острастки? И вовсе не обязательно стрелять. А если и стрелять, то надо это делать поверх голов».

Другой сказал: «А я и думал, что стреляю выше их голов! Кто же мог подумать, что попадет среди них один такой рослый! Видимо Аллах наделил его такой судьбой!» Остальным только и осталось, что согласиться с его удачным предположением. Уж очень не хотелось принимать на себя ответственность за смерть, хотя и вора.

Страх довел сторожей до безумия. Не сегодня-завтра ожидали они разоблачения, и каждый день по двое сговаривались свалить вину на третьего...

Муса не выдержал: «Ну, слабоумные! Ни дать, ни взять!..»

«И да, и нет, – ответил Аку, – хотя каждый из них обладал не меньшим умом, чем хаусанец, отправившийся путешествовать.

Муса воскликнул: «Он, что, был таким же дураком, как и они? Глупее тех троих могли быть только птицы – твоя родня!»

Аку пропустил это оскорбление мимо ушей и продолжал: «А ты послушай эту историю и, поймешь, что среди любого народа могут быть простаки».

Кликнул простака, глядь, их откликнулась толпа

Отправился однажды хаусанец по имени Вава⁸ путешествовать в поисках лучшей жизни. От города к городу, от деревни к деревне забрёл он незаметно в чужие края. Жил там народ Йоруба. Вава же не знал их языка. Они его язык не понимали. Именно этого, оказавшись в чужой стране, Вава и не учёл.

Подошел Вава к какому-то городу. На его окраине паслось огромное стадо коров. Удивился Вава тому, как велико было стадо: не меньше сотен двух голов. Как ухожены коровы: все чистые и сытые. Любопытство разобрало Ваву. Решил он узнать, кому принадлежит это стадо. Обратившись, как бы невзначай, к одному из пастухов, он спросил: «Послушай-ка, приятель, а кто хозяин этого стада?» Он задал свой вопрос на хауса. Пастух был йоруба, и языка хауса не понимал, поэтому растеряно ответил на своем языке: «Ни бан джи ба⁹!» Вава же решил, что «Ни Бан Джи Ба» – имя владельца стада.

⁸ Вава – простофиля (в данном случае используется как имя)

⁹ Ни бан джи ба – я не понимаю

Идет он дальше и думает: «Богатый, должно быть, человек этот Ни Бан Жи Ба, раз у него такое стадо!»

С этой мыслью вошел Вава в город. Всё здесь было необычно, интересно. Рассматривая город, он набрел на большой красивый дом, похожий на дворец. Налюбовавшись этим домом вдоволь, Вава решил поинтересоваться, кому он принадлежит, и обратился с вопросом к мальчику, проходившему мимо: «Скажи, ради Аллаха, кто хозяин этого огромного краси-

вого дворца?» Мальчик, как и пастух, не понявший вопроса, заданного на чужом языке, сказал в ответ: «Ни бан джи ба!»

Услышав эти слова, Вава решил: «Без всякого сомнения, Ни Бан Джи Ба не кто иной, как сам эмир! Да и кому еще может принадлежать такой дворец!

Мог бы и сам догадаться. Кому, как ни эмиру, мог принадлежать и лучший дом, и стадо!..» Эта мысль поразила и даже напугала его. Вава осторожно, буквально на цыпочках, обошел дворец. Вскоре он дошел до берега реки, разделявшей город пополам. Вава брёл вдоль берега в поисках переправы, когда увидел баржу, гружённую различными товарами. Любопытный Вава и тут не удержался от вопроса. Он обратился к прохожему: «Скажи мне, брат, неужели всеми товарами на этой барже владеет один человек?! Кто он?»

В ответ прохожий, как и предыдущие собеседники Вавы не знавший иного языка, кроме своего, ответил вежливо на йоруба: «Ни бан джи ба».

Вава от удивления разинул рот. Он пробурчал себе под нос: «Опять „Ни Бан Джи Ба!“ Должно быть, он могущественный и, наверняка, мудрейший человек, раз сколотил такое состояние. Хотя б одним глазком взглянуть мне на него! Да будь на то воля Аллаха!»

Так рассуждая, присел он у реки отдохнуть и перевести дух от впечатлений. Посидев немного, зачерпнул пригоршней воды, напился, встал, пошел дальше. У городских ворот Вава повстречал похоронную процессию. Остановился из вежливости у края дороги: подождать пока она пройдёт. Провожавшие покойного в последний путь, плакали навзрыд, стенали, рвали на себе одежду и волосы. Любопытство снова взяло верх. Решил Вава узнать, по ком так плачут люди. Приблизившись к одному старцу, он спросил: «Да покоится с миром ваш усопший! Кого вы провожаете в последний путь?» Старец, не понявший вопроса, естественно, сказал: «Ни бан джи ба!»

Его ответ сразил Ваву словно молнией. В волнении он выронил свой узелок и, простонал со вздохом: «Велик Аллах! Кого угодно в этом мире он может без труда свести с ума! Каких богатств сумел скопить Ни Бан Джи Ба! И жил он, видно, так, как будто мир был сотворён специально для него! А что теперь? Он стал историей! И, из накопленного на этом свете, не может взять с собой и сотой доли! Так стоит мне при этом продолжать свой путь в поисках лучшей жизни? Аллах да убережет меня от происков Шайтана! Покинуть отчий дом – уже поступок недостойный. К тому же, мне в пути Аллах давал лишь хлеб насущный, да смирение. Чем дальше я от дома отходил, тем больше я в него желал вернуться. Что я приобрёл? Чем смогу порадовать родню, когда вернусь?

Хвала Аллаху! На примере достойного Ни Бан Джи Ба он показал мне тщетность стремлений человека изменить свою судьбу. Достичь чего-то большего, чем то, что для него начертано судьбой! Нет ничего важнее в этом мире, чем жить в кругу родных, работать до седьмого пота, уповая на Аллаха, и верить, что он вознаградит твой труд богатым урожаем. Недаром старая истина гласит: «Чтобы попасть в рай, следуй за набожным и богобоязненным человеком!»

Муса встал и, молча, направился к выходу. Но, не успел пройти и одного зала, как понял, что слуги уже на ногах. Раздосадованный новой неудачей, он вернулся в свои покои.

Уже две ночи верные слуги визиря провели в засаде у ворот дворца. Их ожидание принца Мусы было напрасно. Возвращаясь поутру, они докладывали своему господину, что за ночь никто даже не выглянул за ворота. Наконец, это вывело визиря из терпения. Он решил, что далее не будет полагаться только на удачу, а примет меры, чтобы заставить принца выбраться тайком из дворца, да поскорее.

Визирь велел позвать к себе свою старую преданную рабыню. Оставшись с ней наедине, он поведал ей свой план. Чтобы заставить Мусу не откладывать побега, она должна была доставить ему вести, якобы от Махмуду. Визирь пообещал старухе волю и десять золотых в придачу, если та выманит Мусу из дворца. А чтобы та не сомневалась, что заплатят, дал задаток – несколько серебряных монет.

Старуха, ни разу в жизни не видевшая денег, засверкала алчно глазами и заверила хозяйина, что отработает сполна обещанную плату.

На рассвете она под видом уличной торговли проникла во дворец. Муса бродил по парку, чтобы развеять тоску по Махмуду и досаду от вновь упущенной возможности бежать из дворца. Улучшив момент, когда никто из охранников её не мог увидеть, старуха приблизилась к Мусе и прошептала: «Меня прислал Махмуду, с важным поручением! Он спрашивает: «Ты здесь, случайно, от безделья не зачах? Ведь не на лодырях же держится земля!»

Муса в растерянности наклонился к старухе и, не в силах сдержать волнения, спросил: «Ты от него? Как он? Ради всего святого скажи мне, как он там».

Старуха, скорчив недовольную гримасу, ответила: «Тебе бы надо знать, что нынче нет в нашем войске военачальника искуснее, Махмуду! Он быстро учится. Хватает налету! Я ему готовлю пищу. Махмуду мне всецело доверяет, вот и направил с весточкой к тебе».

Взволнованный Муса в запале воскликнул: «Скорей ступай к нему и извести о том, что, будь на то воля Аллаха, он завтра же увидится со мной!» Довольная старуха удалилась.

С трудом дождавшись ночи, Муса, как только сон одолел стражу, надел доспехи, взял копье и щит, прокрался к попугаю и говорит, не требуя ответа: «Махмуду уже стяжал себе в войне и честь и славу. Тогда как я, по милости твоей, зачахнуть должен здесь, в пыли дворцовой! Всё! Нынче же иду к нему, и буду с ним плечо к плечу с врагом сражаться, чтоб мужеством своим мог походить на доблестного братца!»

Склонив покорно голову, Аку молвил так: «Какое мне дело до того, что ты уже решил? Приняв решение, не просят дать совета! К тому же, не в моих силах помешать доблестному воину, отправиться на поле боя! Ведь помыслы твои чисты? А жажда славы, как правило, приводит к героизму. Таким покровительствует сам Аллах! Уберегая их от смерти и от ран, как уберег он младшего сына хлебороба от клыков и когтей диких зверей!»

Муса спросил: «А как это случилось? Как он оказался в переделке? Только расскажи скорее. Ждут меня дела!»

Аку начал.

Аута и дикие звери

Однажды хлебороб посетовал друзьям, что его сын, Аута чрезмерно увлечён охотой. «В нашем доме, – говорит, – мясо не переводится, и все же, каждый божий день он проводит на охоте!»

«Что верно – то верно, – ввернул Аута, я точно знаю, как добыть мяска к столу! Сегодня зайца подстрелю, а завтра – антилопу. Так было каждый день. И будет впредь! Аминь»

Отец Ауты, боясь звериного возмездия, уговаривал сына не ходить на охоту без крайней нужды. Он требовал, ругал и даже бил, но это никаких плодов не приносило.

Зверям тоже надоело всё время трепетать перед Аутой. Они даже решили жаловаться на него своему царю. Пришли ко льву однажды и говорят: «Аута, охотник, истребляет звериное племя почём зря».

На что лев ответил: «Аллах определил нам быть добычей человека! К тому же, царь я лишь над вами, и не в моей власти приказать Ауते прекратить вас убивать!»

Гиена крикнула: «А если мы его тебе представим? Ты сможешь этого мальчишку наказать? Да продлятся дни твои вечно! Ты сможешь разобраться с ним по-царски?»

Остальные звери дружно поддержали гиену. Кричали: «Гиена верно говорит! Да, будет так! Уж мы его проучим!»

Ещё не получив ответа льва, звери заключили, что вопрос уже решен... И, так поняв, с поклонами царю, все разошлись.

В один прекрасный день Аута, как всегда, был на охоте. Заметил он шакала и стал преследовать его, чтоб подстрелить. Не для добычи, ради развлечения. Приблизившись на расстояние выстрела, Аута был уже готов сразить его из лука, но тут шакал взмолился: «Стой! Тебе нужна, как видно, пища. Я отведу тебя туда, где мяса тьма. И, если пожелаешь – возьмешь хоть всё!»

Аута польстился предложением шакала, и, последовав за ним, вскоре оказался у царственного ложа льва. Шакал шепнул Ауते: «Смотри, не проболтайся, что ты охотник! Даже рта не открывай!» А сам упал к ногам царя в приветственном поклоне. Лев, царь зверей, в то время возлежал на троне. Аута, оглядевшись, увидел, что оказался на поляне, где собрались все звери. Шакал же, поприветствовавши льва, попятился назад, охотника, в кругу зверей оставив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.